«Я из тех актеров, кто не просит ролей!»

Моск. правда. — 1994. — 11 марта. — С. 9

Ни для кого не секрет, что Михаил Державин - популярнейший артист нашего времени. Об этом знают все, и взрослые, и дети, а вот то, что он еще и образцовый муж, не каждому известно. Для этих, несведущих, 8 Марта в праздничном телевизионном «Огоньке», посвященном Международному женскому дню, среди лучших из лучших образцовых семейных пар был представлен и Михаил Державин со своей женой Роксаной Бабаян. Пятнадцать лет стажа совместной жизни... С этим достижением я и поздравил Михаила Михайловича.

- К сожалению, времени на семью остается так мало! - посетовал он. - То съемки, то спектакли...

- Вы снимаетесь в новом фильме?

- Да. На киностудии «Новый Одеон». Играю большую роль, не то разведчика, не то шпиона, но чрезвычайно интересную. В картине Анатолия Эйрамджана «Жених из Миссисипи». Действие происходит в Москве, переносится в Сингапур...

- Ну, а как же семья? Ведь Сингапур это не Малаховка?

- Постараюсь Роксану взять с собой, она у меня как талисман... Люди соскучились по добрым хорошим комедиям. А работать в кино, когда рядом такой интересный актерский состав, как в нашем новом фильме, - одно удовольствие: Л.Гурченко, Т.Васильева, Т.Догилева, Л.Полищук - блестящая плеяда актерских имен.

- А Ширвиндт..?

- Увы, последнее время он разлюбил кинематограф.

- Значит, в театре вы вместе, а в кино врозь... а ведь вы хорошо смотрелись вместе в фильме «Бабник», который недавно показали по телевидению.

- Зато в театре мы вместе, как в жизни. Мы ведь с Александром Анатольевичем друзья детства, выросли на Арбате, вместе учились в «Театралке», вместе начинали в «Ленкоме». Сейчас вместе играем в спектакле «Чествование» Театра имени Антона Чехова и в комедии «Молчи, грусть, молчи» в Театре сатиры.

- У Ширвиндта в этом году юбилей, а у вас как с этим делом?

- Отстал, но постараюсь исправиться через два года.

- Не могли бы вы сообщить по секрету от Александра Анатольевича дату его юбилея?

- 19 июля сего года ему исполнится 60 лет, но только не говорите ему, что это я сказал. Он очень скромный, не любит чествований...

- Хорошо, я ему не скажу, и он ни о чем не догадается...

- А еще 4 октября сего года 70 лет Театру сатиры. Об этом можно сказать всем...

- Так и сделаем для всех любителей и поклонников вашего замечательного театра. Но вы не увлеклись ли кино? Не ушли ли далеко от театра?..

- Театр для меня главное. В кино же сейчас интересно. Фильмы стали делать быстро,не год-два, как раньше, а за пару месяцев. Раздва и готово. Надеюсь, что хорошие комедии отечественного производства появятся в избытке и потеснят американские боевики, которые уже порядком надоели...

- Я тоже надеюсь на отечественный кинематограф, но настораживает быстрота производства фильмов. Когда за два-три месяца - фильм, это напоминает конвейер, а мы уже достаточно хлебнули серийных застроек, серийных костюмов, серийных чемоданов... Ведь и мы сами стали серийные, стандартные в своих мыслях и поступках. Конечно, серийной массой легче управлять и манипулировать, но не хочется возвращаться к тем временам, когда нами понукали с помощью стандартных установок и лозунгов из докладов ЦК КПСС. Я все-таки за штучный «товар» в искусстве.

- Я думаю, что надо заполнить духовный вакуум хорошими и добрыми фильмами, особенно юмором. Так сейчас не хватает смеха, тепла и доброты.

- А мне кажется, юмора сейчас «навалом». По всем программам телевидения юмористические передачи всех калибров. Есть даже целая «Академия юмора» по первому каналу. Смейся, хоть залейся. Но вот нет такой передачи, как «Кабачок 13 стульев». Вы были ее ведущим. Ее ждали.

- Сейчас такой «Кабачок» трудно организовать. Время неумолимо, и всех завсегдатаев уже не соберешь. Передачу действительно любили, она была какая-то домашняя, несмотря на польские песни и имена...

- Пан Вотруба и пани Моника были просто членами наших семей, а изящный и утонченный Михаил Державин - эталоном остроумия и элегантности...

- Меняются времена - меняются нравы. Сегодня нам ближе Америка, чем Польша, Майкл Джексон и Чак Норрис...

- Скучаете по прошлому? Кажется, что вчера было лучше?

- Нет. Просто немного иронично смотрю на молодое поколение, вспоминая себя в молодости. Когда-то и нам, «шестидесятникам», казалось, что перевернем мир, откроем «Америку», а оказывается, что все это уже было и что открываем мы «велосипед». Время сейчас трудное, но хорошее. По крайней мере дышится легче и свободнее. Мы можем говорить о том, о чем думаем, и не испытывать при этом страх: а не ляпнул ли я чего лишнего, не вызовут ли меня кое-куда на разборку. Ведь раньше могли из-за одного «не того слова» закрыть спектакль. Просто взять и закрыть. А это все равно, что убить живое. Спектакль - живое творчество живых людей. Актеры стареют, меняются их характеры, они умирают, в конце концов. Закрыть спектакль - все равно что убить. Для кино этот запрет не так болезнен, как для театра. Можно положить пленку на полку и через двадцать лет извлечь ее на свет. Пленка сохранится, люди же не всегда. С другой стороны, сейчас происходят ужасные трагедии, которые не могли даже присниться в кошмарном сне в годы застоя. Ну кто мог тогда, в семидесятые, предположить, что через двадцать лет начнется война между Арменией и Азербайджаном, Грузии с Абхазией. Абсурд, фильм ужасов. Сейчас же говорят о событиях на Кавказе, как об обычном, как о сводке погоды. То ли души зачерствели, то ли не понимаем, живем в каком-то бреду. За что воюют, за что убивают, никто толком и не скажет. А что происходит в Центре Европы, в этой благополучной некогда Югославии, которой мы завидовали, завидовали культуре и чистоте ее городов, высокому жизненному уровню. Сегодня сербы режут хорватов и наоборот, причем со средневековой жестокостью, садизмом, варварством. Будто эти люди пришли из каменного века, не читали Льва Толстого, не смотрели хороших фильмов.

Что-то занесло меня на грустные темы.

- Увы, веселое и печальное рядом. Но вернемся от политики к театру, есть ли у вас любимая роль в Сатире.

- Я из тех актеров, кто не просит ролей. Каждая роль для меня лотерея, и я всегда испытываю азарт игрока при распределении ролей: что мне достанется? И надо сказать, я всегда выигрывал. Я с большим удовольствием перевоплощался в Епиходова и Тартюфа, в Скалозуба и в Телятьева. Хотя есть у меня дорогое воспоминание о главной роли в комедии Горина и Арканова «Банкет», которая была поставлена в Театре сатиры в конце 60-х. Я играл роль директора Дворца бракосочетаний, пытавшегося бороться с бюрократизмом и рутиной. Но у моего героя ничего не получилось, и он сам погряз в той трясине. Спектакль, конечно, быстро прикрыли, обнаружив какие-то намеки на родную партию и правительство. А получился он очень остроумным, думаю, что и в наши дни он был бы злободневным.

- Видится ли вам спасительная миссия театра сегодня ?

- Не видится, а я в ней на сто процентов уверен. Театр спасет человеческие души, театр - это как божественный алтарь, помогающий бороться за душу. Люди все больше понимают роль театра. После некоторого отчуждения народ стал возвращаться в театр, не пугают его ни цены, ни позднее время возвращения со спектакля. Мне кажется, люди греют свои души под воздействием творческой энергии актеров, которые создают живительную ауру, тот самый «катарсис», когда происходит очищение души от скверны. Чем больше людей будет ходить в театр, тем лучше станет моральное состояние общества. Театр поможет людям очнуться, избавиться от диких инстинктов и ощутить себя людьми.

Василий ТРЕСКОВ.